

Г. В. Мурзо

Сватовство «неистового Виссариона»: кодификация «другой» культуры

Этот культурологический этюд, основанный на письмах В.Г. Белинского к М.В. Орловой, – попытка осмыслить культурную доктрину «западников» в одном из ее откровенных проявлений.

Начнем с того, что, получив от Марии Васильевны Орловой согласие на брак, Виссарион Белинский ведет с ней активную переписку. С сентября по октябрь 1843 года с интервалом в два – три дня он пишет из Санкт-Петербурга в Москву более 20 длинных, иногда с продолжением «вдогонку» писем [2. С. 15-67]. Понятно, что им движет нетерпение и влюбленность. Однако, если исключить естественный в ожидании свадьбы любовный мотив, основное в письмах – так или иначе выраженное желание венчаться в Петербурге, а не в Москве. Москва, по мнению Белинского, более привержена в быту патриархальным традициям, которые он не признает. Почему частный вопрос становится крайне принципиальным, а жених так глух к просьбам невесты и настойчив в собственных намерениях?

Отвлечемся для чрезвычайно важного утверждения: в 40-е годы 19 столетия господствовала культура русского самодержавно-крепостнического строя – культура *традиционалистская, сильно окаменевшая и лицемерившаяся* [5. С. 466]. Традиции, память о прошлом, «заветы предков» были решающими в жизненном руководстве, присутствовали в воспитании, учении. Вместе с оправданной или неоправданной обязательностью они приобретали знаковый, семиотический характер. Само по себе это могло и не быть причиной общественного лицемерия, но создавало условия для его расцвета. Знаменитая комедия Грибоедова отличная тому иллюстрация. Она же и образец протеста «европеизированной» молодежи против

кодекса косности и лицемерия. Правда, «европеизация» молодых людей, как отмечает М. Ю. Лотман в своем исследовании культуры 18 – начала 19 века, часто основывалась не на знании действительности Запада, а на представлениях, навеянных романами [6. С. 266]. «Своеволие» индивидуальностей хотя и подчеркивало противоречия, существующие в реальной жизни, не меняло ее по существу. Литературным примером, хотя и неоднозначным, может быть любовный порыв и гордое смирение Татьяны Лариной; укрощенная традицией юная мятежность Наташи Ростовской.

Обратимся, что вполне уместно в данном случае, к традиционной форме вступления в брак. Обряд сватовства и свадьба представляли собой длинное ритуальное действо. Сватовство обычно осуществлялось в форме официальной беседы с родителями. Только после полученного от них согласия к разговору приглашалась невеста, и вопрос обращался к ней. Предварительное объяснение непосредственно с девушкой рассматривалось как нарушение приличия. Вспомним между делом впечатляющую картину подчеркнута принятой последовательности действий князя Андрея Болконского, ищущего руки Наташи. Кстати, «договор» молодого человека с возлюбленной на бале или в каком-нибудь общественном собрании допускался, но беседа с родителями или заменяющими их родственниками для получения согласия на замужество считалась непременным условием. Сватовство завершалось благословлением молодых перед домашней святыней, и начинался длинный путь к браку, предполагавший «мальчишник», «девичник», подготовку приданого и другие хлопоты.

Свадьба с обрядом венчания были основной частью ритуала. Все начиналось с того, что жених отправлялся к невесте в сопровождении родственников, впереди него мальчик нес икону. Войдя в дом невесты, жених и сопровождающие его молились на иконы. Мать выводила невесту и передавала ее жене свата. В церковь жена свата и невеста отправлялись в одной карете, а жених со сватом – в другой. Следовало венчание, после которого жених и невеста садились в одну карету и отправлялись на праздник. Нужно заметить, что застольный праздник с участием жениха и невесты вовсе не был непременным атрибутом дворянской свадьбы: молодые после выхода из церкви могли сразу же уехать за границу или в деревню [6, С. 279-283].

В рассматриваемый нами период неприкосновенным оставался лишь обряд венчания, другие же части ритуала нарушались под воздействием социальной специфики и моды, не вызывая осуждения. Однако традиция оставалась, и даже более позднее описание Львом Толстым сватовства Константина Левина и приготовления к свадьбе Кити Щербацкой делает представление о некоторых важных с точки зрения традиции моментах очень наглядным.

Теперь вернемся к Белинскому, сватовство которого было и фактом намеренного разрушения традиции, и фактом *утверждения разрушения как принципа «другой» культуры*, противопоставленной «традиционалистской».

Б. Ф. Егоров в работе «Славянофильство, западничество и культурология» убедительно доказывает, что разрушение господствующей культуры возможно не только путем ее тотального отрицания, ставшего идеей «нигилистов»-шестидесятников, литературным предтечей которых признан тургеневский Базаров, но и «позитивными» способами. Один из них - *исправление* пороков существующей культуры; другой - *замена* старых культурных форм новыми, складывавшимися в рамках соци-

альной периферии или заимствованными извне, подобно «западническим» заменам в петровскую эпоху [5. С. 466].

Учение славянофилов, избравших первый способ, базировалось на возврате к живым народным истокам культуры, первозданности чувств, вещей, поступков. Принадлежа к образованному сословию нового времени, славянофилы в лице А. Хомякова, К. Аксакова и др. восприняли черты народной души, народного характера и мировоззрения, но в усложненных вариантах [4. С.65], которые и реализовывали в собственном кругу. Рьяно воплощая в жизнь свое учение, связанное с «оживлением» закоснелой традиции, они не избежали педантизма в поведении и стали скорее защитниками, чем ниспровергателями неугодной культуры [5. С. 468-469].

Роль ниспровергателей взяли на себя менее всего связанные с народным менталитетом либералы-западники. С толерантностью и вниманием к «чужому», с главной пропагандой личностного начала, они строили свою доктрину на *разрушении и замене*. Надо подчеркнуть, что это деяния не автоматически сплетенные и предполагают несколько отличные друг от друга варианты культуры.

Если акцент ставился на *разрушении*, то на первое место выдвигалось *освобождение от лицемерных догм и норм во всех областях жизни*, в том числе и в области брачных отношений. В предельном случае разрушительный вариант приводил к расшатыванию и вообще ликвидации норм и обязанностей [5. С. 470]. Впечатляющий пример тому – гипертрофированный эгоизм М. Бакунина, представлявшего себя личностью, поднявшейся над бытом, а потому абсолютно свободной от «презренных» бытовых обязанностей (скажем, от отдачи долгов, что в традиционной культуре считалось «делом чести»). В. Боткин – еще один яркий пример - не принимал на себя ответственности по отношению к женщине, с которой был связан близкими отношениями. Извест-

но, что Тургенев долго не мог простить ему бездушного совращения своей кузины и ее ранней, в 22 года, смерти, случившейся, вероятно, не без воздействия морального удара. Жертвой «западнической» эмансипации чувств оказалась и сестра Боткина, Мария Петровна, которую соблазнил и бросил его московский приятель [5. С. 470-471]. Самого В. Боткина друзья буквально заставили жениться на модистке с Кузнецкого Моста, которую он вскоре все-таки оставил, обеспечив ей, правда, безбедное существование, поскольку был богат [4. С. 263].

Если акцент ставился на *замене* культуры, то жесткое следование западным нормам приводило опять-таки к педантизму, подобному славянофильскому, но в другом роде – *выражавшемуся в свободе мнений и чувств*. Особенность же в том, что лозунги кризисной западноевропейской культуры, ее разрушающегося варианта, докатывались до России не столько в контексте теорий, сколько в сюжетах романов. По идеалам Жорж Санд часто строилась личная жизнь «западников» вплоть до мелочей [4. С. 265]. Это демонстрируют и письма Белинского к невесте.

Письма, безусловно, интересны как диалог близких или по-своему ищущих близости и понимания людей, но не только. Если попытаться увидеть в письмах Белинского, тесно *между собой* связанных, целостное «произведение», то видимым станет и их особая причастность идеям утверждаемой культуры, и творческое самовыражение автора – публициста, все более гневные тирады которого обращены через голову реального адресата адресату виртуальному в лице самой отвергаемой культуры.

Проследим, с какой неистовостью, с помощью каких аргументов и слов Виссарион Белинский убеждает тридцатидвухлетнюю московскую барышню, верующую, со сложившимися взглядами, пренебречь традициями, в которых она воспитывалась, жила и которыми,

как подсказывают письма, весьма дорожила. Могла ли ее порадовать или просто повеселить перспектива венчания, нарисованная в письме Белинским и его объяснение: «Я смотрю на этот обряд как на необходимый юридический акт, и чем проще он совершится, тем лучше. Боткин взял Агмансе под руку, да и пошел с нею по Невскому в Казанский собор, в сопровождении пяти приятелей, так и воротился, словно с прогулки» [2. С. 26]. Очень скоро становится ясно (описание почти дословно повторится), что это немаловажный логический довод в напряженной поединке представлений и убеждений, не лишенном запальчивого дидактизма Белинского. Вот доказательство.

Предполагаемым официальным разговором с родственниками избранницы Белинский пренебрег, зато, получив от Марии Васильевны желанное согласие на брак, вопроса о том, где будет свадьба, не ставил: в Москве. С тем и уехал в Петербург. В первом письме, адресованном невесте, нет и намека на изменение планов, только восторг по поводу предстоящих событий да воспоминание об одном дне, проведенном в окружении друзей. Однако, начиная с четвертого письма, тема перемены планов и приезда М.В. Орловой в Петербург для венчания зазвучала – поначалу деликатно, потом все более экспансивно, – пока не стала, на наш взгляд, главной.

«Не примите даже за предложение с моей стороны; нет, это только вопрос, на который Вы способны отвечать, как Вам будет угодно. Для самого меня он так странен, что без Вашего ответа я не умею его решить ни положительно, ни отрицательно, Дело вот в чем: все мои приятели, которым я нашел нужным открыть мою тайну, уверяют меня, что, для избежания лишних расходов, мне не надо ехать в Москву, а лучше бы Вам одной приехать в Петербург, где Вы могли бы остановиться на день у Краевского, у которого живет сестра его покойной жены (если бы Вы не хотели

остановиться на своей собственной квартире, которая была бы готова к Вашему приезду). Если я несколько на стороне подобного плана, так это не по причине потери моих денег и лишнего времени» [2. С. 15].

Значит, были и другие причины, о которых пока умалчивает влюбленный, не замечая или не желая замечать едва скрытое за комплиментами невнимание к чувствам девушки, доверившейся ему: противно воспитанию и усвоенной морали она должна без официального согласия родственников (они знают о Белинском понаслышке, лично знакома с ним только сестра Марии Васильевны Аграфена), оставив обязанности классной дамы Александровского института¹, коллег и подруг, одна ехать в Петербург к молодому человеку, остановиться в незнакомом доме. Шокирующее по тем временам предложение усиливается новыми аргументами, в которых притязания пишущего выходят на первое место, не смягченные поисками «обоюдного удовольствия»:

«...может быть, Вы думаете венчаться в институтской церкви, в присутствии /.../ всего института: это для меня ужасно; потом по патриархальным к Вам отношениям M-me Charriot, может быть, станет смотреть на наше формальное соединение как на свадьбу в общем значении этого слова, и, пожалуй, предложит себя в посаженные матери, а Вам, может быть, нельзя будет от этого отказаться. Если это так, то мне приятнее было бы венчаться с Вами в Камчатке или на Алеутских островах, чем в Москве» [2. С. 16].

Допускаем, что именно так и представляла свою свадьбу «в общем

значении этого слова» Мария Орлова. Но важно ли это, если жених, желая видеть ее одну в Петербурге, прибегает к новым доводам, едва скрывающим его нравственную близорукость. Вот он пишет, что материальной проблемы, связанной с отъездом из Москвы, у нее не будет: «В числе суммы, которую я беру у Краевского, 900 рублей следует Вам: 500 на Ваши необходимые расходы, 200 на отъезд, если бы Вы поехали одни, и 200, которые я должен Вам» [2. С. 16]. Конечно, все сказанное – в обрамлении милых, ласковых слов, восторгов и восхвалений ума и практичности невесты. И все-таки Белинский получает в ответ полное недоумения письмо Марии, извиняется, вновь обещает, не замечая фальшивости повторяемого заверения, что поступит, «как она захочет» (помните «как Вам будет угодно»?).

Но атакуя ее все новыми аргументами, он становится предельно откровенен, запальчив и нелюбезен. В его словах больше темперамента умелого полемиста, чем чувства растерянного жениха (помните «без Вашего ответа не умею решить?»):

«...хуже, ужаснее всего – это покориться обычаям шутовским и подлым, профанирующим святость отношений, в которые мы готовы вступить с Вами; обычаям, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натуре моей. У дядюшки обед! Будь прокляты все обеды, все дядюшки, все тетюшки и все чиновники с их гнусными обычаями. Если бы Вы приехали в Петербург, - тихо, просто, человечески обвенчались бы мы с вами в церкви какого-нибудь учебного заведения, и присутствовали бы тут человек пять, никак не более, моих друзей да одна из жен моих друзей, с которою Вы могли бы, если бы в качестве прекрасной россиянки нашли неловким приехать туда со мной... В Петербурге нравы ближе к Европе и человечности, – не то, что в Москве, этом egout, наполненном дядюшками и тетюшками, этими подонками, этим отсто-

¹ Пусть для решившей выйти замуж женщины это неизбежно, но как бросается в глаза использованная Белинским в качестве аргумента его собственная зависимость от обязательств по отношению к журналу и подчеркнутый пиетет по отношению к редактору Краевскому: «Зачем же его интересы должны страдать от моих, особенно когда есть средства устроить дело к обоюдному удовольствию?» [3. С. 568]

ем, этой изгарью татарской цивилизации» [2. С. 26]. Спокойные и сжатые, избегающие инвектив изречения не характерны здесь для Белинского!

На следующий день он шлет новое письмо, в котором преобладает не тонкая ирония, сквозящая в «прекрасной россиянке» и, возможно, в «пленительной картине», а грубое вышучивание ненавистной ему «церемонии»:

«Для меня противны слова: невеста, жена, жених, муж... В церемонии венчания я вижу необходимость чисто юридического смысла... Я не думал ни о дядюшках, ни о тетюшках..., ни об официальном обеде с шампанским и поздравлениями, с идиотскими улыбками и, может быть, с чиновничьими шутками и любезностями. В этой пленительной картине недостает только свахи, смотря, сговора, девичника с свадебными песнями. Кажется, что – и при этой мысли ужас проникает холодом до костей моих – в посаженном отце и в посаженной матери недостатка не будет, и нас в Вами встретят образом, и мы будем кланяться в ноги... Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращения к этим позорным церемониям» [2. С. 29].

Похоже, Мария Васильевна, действительно, не понимает, ее не отвращает даже кривое зеркало полученного от жениха послания. Она прямо-таки умоляет его приехать в Москву, побывать у родни, самым скромным образом повенчаться. Неистовый Виссарион не говорит ей «нет», но на последний беспомощный ее довод об «общественном мнении» отвечает отповедью:

«Вы, за отсутствием каких-либо внутренних убеждений, обожествовали деревянного болвана общественного мнения и преусердно ставите свечи своему идолу, чтобы не рассердить его. Я с детства моего считал за приятнейшую жертву для Бога истины и разума – плевать в рожу общественному мнению, где оно глупо или подло или то и другое вместе» [2. С. 67].

Так тот ли это случай и что или кто является мишенью послания, призванного обращать в свою веру избранных и казнить презренную «толпу»? Возьмем последнее письмо [3. С. 568-572], после которого Мария Васильевна принимает решение ехать в Петербург². Письмо производит сильное впечатление. Но не воздействующий характер длинной речи его автора хотим мы прокомментировать. Обращает на себя внимание другое: изложение заметно противоречиво, излишне пафосно, неприятно тенденциозно; рассуждения не всегда скромны и деликатны³, даже если прибавить к ним улыбку. Пишущий прибегает то к «легкой» лести, то к «легкому» шантажу, то к «легкому» наезданию, а спасительная самоирония не так часто мелькает между строками этого удивительного послания: «Нет, Marie, если не из любви ко мне, то хоть из сожаления пощадите и спасите меня. Я, конечно, не окончу смертию живота моего – этого не бойтесь; но меня может постигнуть нравственная смерть – мною овладеет апатия, уныние, леность, преферанс – я опущусь до последней степени. Это неизбежно и верно, как и то, что я буду горд и счастлив Вами, если Вы победите своего внутреннего врага – боязнь княгини Марьи Алексеевны. /.../ Поймите же меня и уважьте во мне то, что составляет фонд и лучшую сторону моей натуры, моей личности».

Нет сомнения, подразумевается *приверженность свободе и равенству как в социально-политическом, так и в*

² Доводы Белинского, прежде всего связанные с работой в журнале, взяли верх. Около 10 ноября М.В. Орлова прибыла в Петербург, и 12 ноября Белинский обвенчался с ней в церкви Строительного училища [3. С. 801].

³ «Вы недавно писали ко мне, что Вы стары, больны и дики в обществе, что это такие недостатки в Вас, которые я должен принять для себя, как наказание божие: я смеялся и смеюсь над этим, хотя – скажу это не в похвальбу себе – немногие способны над этим смеяться. Но я вижу Ваш большой недостаток в том, в чем опять-таки немногие способны увидеть его, – это в вашем esclavage (рабство – Г.М.) [3. С. 571-572].

культурно-бытовом смысле, но, в первую очередь, для себя, для утверждения собственных (групповых) норм и правил, новых поведенческих стереотипов.

Всевозможные «протесты», категоричность нормативных требований, создание идеала по принципу долженствования, интеллектуально-образная

экспансивность профессионального дискурса стали знаками «другой» культуры, нашедшими отражение в оценке Белинским художественной и нехудожественной реальности, обрели законность новой традиции в жизни и творчестве его последователей.

Библиографический список

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: В 2 т. Т.2 М.: ТЕРРА Книжный клуб; Республика, 1998. С. 199-207.
2. Белинский В.Г. Письма. В 3-х т. Т. 3 /Ред. и прим. Е.А. Ляцкого. СПб, 1914. С. 15-67.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9-ти т. Т. 9. Письма 1829-1848 годов /Ред. тома В.И. Кулешов. Сост. М.Я. Поляков; Подгот. текста В.Э. Бограда; Примеч. К.П. Богаевской и А.Л. Осповата. М.: Худож. лит., 1982. С. 564-571, 801.
4. Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 51-79, 225-277.
5. Егоров Б.Ф. Славянофильство, западничество и культурология // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 463-477.
6. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII - начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XIX век). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 265-295.